

Встаю с дивана, расстегивая джинсы. Она следит за моими движениями. Никакой скромности. Ничего лишнего. Когда ловит мой взгляд, не дает мне ни единого знака, вроде «давай скорее, я заждалась» или «раздевайся и трахни меня». Я хочу это видеть. Сейчас просто нуждаюсь в чем-то, кроме ее холодности и сдержанности.

Член не трогаю. Просто спускаю штаны и, переступив через них, делаю шаг к ней. Вот, что-то мелькнуло. Где-то глубоко, но я успел заметить.

— Что тебя останавливает? Почему я вызываю у тебя желание поразмыслить, а не взяться за яйца и раздвинуть ножки?

Знаю, что может. Кожей чувствую, что если прикоснется ко мне, назад пути не будет.

— Наверно потому, что слишком сильно этого хочу, — выдыхает она, переводя взгляд на мое лицо.

Надежда не умерла. Да здравствует надежда!

Уже сейчас понимаю, что мне мало. Что бы я сегодня ни сделал с ней, мне будет мало.

Облапать — мало! Вылизать — мало! Трахнуть — мало! Не могу вспомнить не единого мата в ее адрес, которые так и сыпались перед ее дверью. Ведьма. Но я буду не я, если не подчиню ее.

— Тогда пойдем, покурим, и я попробую рассказать тебе, от чего ты отказываешься.

Наклоняюсь, достаю сигарету из пачки и зажимаю ее губами. Поворачиваюсь, и, сделав шаг в сторону балкона, роняю зажигалку на пол, как, собственно, и свою челюсть.

Эта королевища сидит в кресле, раскинув ножки в стороны. Без трусов. Без волос в промежности. Охуительно прекрасная.

Падаю на колени и не могу сдержаться — втягиваю носом ее аромат. Ничего человеческого во мне не осталось. Поднимаю глаза и опять то же самое — контроль. Сейчас посмотрим, дорогая, как ты запоешь. Это моя территория.

Тянусь за зажигалкой, подкуриваю, выдыхаю дым на ее красавицу. Надо же, подарить такую пизду, созданную для меня, вот этой сучке! Ничего, мы еще посмотрим.

Докуриваю первую сигарету, вторую, так же изучая ее. Когда подкуриваю третью, из ее дырочки вытекает маленькая капелька. Да, теперь мы на одной волне. Не важно, что удовольствия хочу только я и ее вагина. Ксюша со временем тоже подключится.

Цемаю кису. Цемаю второй раз, задерживаясь, слизывая возбуждение. Блядь! Совершенная! Опять затягиваюсь, посильнее, окуриваю, целую. Дергается. А вот и Ксюша. Поднимаю на нее глаза. Все еще борется. Все еще хочет контроля больше, чем уверена в своем действии. Даю ей подсказку — втягиваю губки, сосу, а когда она подает бедра на меня — кусаю клитор. Да, прямо так. Моя девочка кончает. Как только я это понимаю, из нее опять льется, только теперь побольше. Глаза смотрят на меня — правильно, меня нельзя оставлять с таким сокровищем наедине. Ничего, мы еще научим ее вежливости.

Она боится все отпустить. Вот оно. Вот ее страх на ладони. С этим интересно бороться. Это мы еще до груди не добрались. Мой десерт.

Только яйца начинают ныть.

— Видела, как кончают с балкона? — встаю, подаю ей руку. Поднимается, упираясь в мою ладонь, держится крепко, значит, еще не попустило.

Веду ее на балкон. Хорошо, что не застеклен. Хорошо, что с кованым бортиком. Мой член

стоит смирно, и, только я вспоминаю ее вкус на языке, из меня бьет струя. Кончаю с десятого этажа. Мой рекорд. Придерживаюсь за перила. Охуительно четкий оргазм.

Поворачиваюсь. Сонная. По бедру стекает ее собственная конча.

Ай да Дэн! Вот, что значит сила взгляда.

Вижу, она тоже в шоке. Хорошо прикрытом, но для меня явном.

Стоим, смотрим друг на друга.

Впервые рассматриваю черты ее лица. Не в общем и целом, а детально. И каждая черточка сейчас говорит о том, что она начинает брать ситуацию под контроль. А ведь мне только удалось расшевелить ее. Но я не настолько ленив, чтобы бояться начать заново. Не с ней.

— Зачем это мне? — понимаю, что произношу это вслух. А ведь вполне резонный вопрос.

— И то правда. Иди на хуй.

Опять роняю челюсть, а следом ржу так, как два знакомых идиота сегодня — искренне, от всего сердца. Так, что начинает болеть живот. А ведь я стою на балконе десятого этажа.

Ночью. Без штанов.

За несколько секунд успеваю стать серьезным, подойти к ней, взять ее за подбородок правой рукой и склониться так, чтобы она прочувствовала всю серьезность сказанной мной следом речи:

— Вот только слова неуместно грязные для такой девочки. Давай я покажу тебе, как мне не нравится, когда ты говоришь в мой адрес нечто вроде «иди на хуй».

Кусаю ее губы. Нет, это не то же самое, что грубый поцелуй. Это наказание. Кусаю и сосу их, приподнимая Ксюшу за талию. Пытается вырваться, но в тот момент, когда она сама прикусывает мою нижнюю губу, и одной ногой становится на возвышение возле двери, чтобы ускользнуть, вхожу в нее нас kvозь. И вот тут она рычит. Никогда прежде я не испытывал такого ликования внутри. Ее руки хватают меня за предплечья. Держится. Молодец. Кричит мне в рот, изгибается, сжимает меня внутри. Я уверен, что она могла бы дать мне достойный отпор. И, в тот момент, когда я понимаю, что Ксюша такой же наркоман, как и я, пронизываю ее в новом темпе, сверх того, что я когда-либо делал. И чувства, сверх тех, что я когда-либо чувствовал, накрывают меня гребаным цунами.

Не помню, как мы оказываемся внутри квартиры, как и то, в какой момент я вырубился. Я на полу в ее гостиной. Один.

Переворачиваюсь на спину и долго смотрю на люстру. Не замечаю, как наступает рассвет.

Только когда по потолку ползут лучи солнца, оглядываюсь вокруг.

Вижу только свои штаны. Встаю. Захожу в спальню, такую же пустую, как и остальная квартира. Ксюша ушла.